

Роман не является исторической работой, тут просто не может быть сходства и с реальными событиями, и с теми людьми, что отважно сражались с фашистами на дальних подступах к Ленинграду. Их жертвенности, подвигу во имя будущего нашей родной страны —

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Глава 1

«ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ»

16 июля 1941 года

**Начальник штаба
Северо-Западного фронта
генерал-лейтенант Ватутин
Новгород**

— Так точно, товарищ генерал армии! Немедленно примем необходимые меры! По исполнении доложу!

Небольшого росточка, совсем моложавый, с юным лицом, похожий на подростка, немного чуть полноватый генерал, как ядовитую змею, с опаской и осторожностью, положил телефонную трубку.

Связь с Москвой была отлажена, хотя порой Николаю Федоровичу очень хотелось, чтобы она временами отсутствовала — постоянные звонки по ВЧ порядком нервировали. Начальника Генерального штаба генерала армии Жукова Ватутин знал достаточно хорошо — с прошлого 1940 года, когда тот, тогда еще командующий Киевским округом, сменил на столь ответственной должности генерала армии Мерецкова, снятого по итогам «зимней войны» с Финляндией. Очень неудачной по большому счету, но об этом предпочитали помалкивать, дабы не быть обвиненными в «пораженчестве», «паникерстве» или «неверии в могущество РККА».

Властная натура Жукова проявилась не то что с первых дней — с первых часов: чрезвычайно требовательный, жесткий характером, даже жестокий, победитель в боях против японцев на реке Халхин-Гол заставил Генштаб в мирное время работать так, словно идет война. Сам Ватутин с тех дней забыл про отдых и воскресные дни, сам часто оставался ночевать в кабинете, тихо радуясь, что есть диван — другим командирам приходилось спать на столах и стульях. Напряженный ритм работы захлестнул всех работников наркомата обороны и Генштаба — Красная армия не просто увеличивалась, этот процесс имел прямо-таки взрывной характер. До двух с половиной сотен, более чем вдвое, выросло количество стрелковых, горнострелковых и моторизованных дивизий и бригад. Развертывалась 61-я танковая дивизия, на укомплектование пошли танковые бригады и отдельные батальоны при стрелковых дивизиях. Выгребали все подчистую, всячески тасуя технику и кадры, но проблемы как снежный ком росли час от часу. И не успели — война началась раньше, чем было запланировано, застав советские войска в стадии развертывания. Тому есть объяснение — Германия при любом варианте, даже самом благоприятном для СССР, всегда могла не только сосредоточить свои войска раньше, но и предупредить, нанести мощный превентивный удар.

— Что делать?!

Столь извечный русский вопрос Ватутин, как многие другие советские генералы, задавал себе все эти долгие и страшные по нервотрепке июльские дни, с момента назначения на должность начальника штаба фронта. Картина на карте, расчерченная синими стрелами, отображающими действия врага, не сулила ничего доброго в ближайшей перспективе. И в отдаленном будущем тоже, если брать существующие ныне реалии.

8-я армия генерала Иванова откатилась в Эстонию, сейчас еле держала 230 км фронта своими двумя основательно потрепанными корпусами. 10-й закрепился по реке Навесте, а 11-й по реке Эмбах. Фронт велик для четырех дивизий, в каждой из которых едва по полку, вот только местные торфяники и болота ограничивают врагу любой маневр, а фланги отошедших корпусов прикрыты озерами. К тому же удалось ввести в бой две свежие дивизии — 16-я поддержала 10-й корпус, а спешно перевезенная эшелонами от Нарвы 191-я — 11-й корпус. Последний к тому же получил серьезные подкрепления из 11-й армии генерала Гловацкого. Более того, с восточного берега Чудского озера под Тарту перебросили маршевый батальон, полк ленинградских ополченцев и два истребительных батальона. Плюс на озере довольно сильная флотилия капитана 1-го ранга Аврамова в составе канонерских лодок, бронекатеров и прочих судов, формируются в Гдове еще два батальона морской пехоты, что для 11-го корпуса генерал-майора Шумилова неплохой помощью будут.

11-я армия генерала Гловацкого занимает по фронту едва сотню верст — но самая сильная по составу и, главное — боеспособная. Более того, первый штурм уже отразила, причем целой танковой армии противника, с большими для немцев потерями. Перегруппировав силы, вчера фашисты начали вторую попытку, но, судя по вечернему рапорту Николая Михайловича, наши части удерживают позиции. Все же у него 7 достаточно полнокровных стрелковых дивизий, опирающихся на глубоко эшелонированную оборону, с мощными бетонными дотами «Линии Сталина», как ее уже называют даже в приказах, и которую чрезвычайно энергичный и предприимчивый командующий 11-й армией продолжает всячески усиливать и совершенствовать. Очень походит на Жукова по характе-

ру — такой же жесткий и грубый, более того, любитель крепкого словца, чем смог шокировать даже маршала Ворошилова.

Гловацкого Ватутин не узнал, хотя был знаком с ним с конца 1920-х годов, с момента учебы в академии. Умный, толковый, предусмотрительный — все эти качества с войной развились чрезвычайно. А воли и решительности стало многократно больше — благодаря им, наверное, и удалось остановить немцев на линии дотов ПсУРа. Здесь гитлеровцы фронт не прорут — в тылу у армии Ленинград, помощь оттуда уже не просто ощутима. Начата переброска значительных резервов — Северный фронт в дополнение к 191-й под Тарту отправил к Пскову сразу три свежих полнокровных дивизии — 70-ю, 177-ю и 237-ю, а также 198-ю моторизованную дивизию, уже переформированную в обычную пехоту, с изъятием танкового полка и автотранспорта, что остро требовался для новых частей. Добавили к ним две спешно сформированные в Ленинграде дивизии народного ополчения. Плюс три танковых бригады, сведенных из дивизий — достаточно боеспособных, серьезных потерь пока не понесших. Только одна проблема — подкрепления будут приходиться в течение недели, занимать позиции по мере выгрузки из эшелонов.

Псковско-Островский рубеж части генерала Гловацкого обязательно удержат. Ватутин в том уже не сомневался ни на йоту, его крайне беспокоила третья армия фронта — 27-я генерала Берзарина. Она уже еле держала фронт по реке Великой. Причем на южном фланге немцы прорвали ее стык с 22-й армией генерала Ершакова, что выдвинулась заблаговременно еще до войны из Сибири, успела не только занять, но и подготовить Себежский и Полоцкий укрепрайоны к обороне. УРы свое предназначение полностью выпол-

нили — вот уже десять дней враг пытается проломить их позиции, введя в сражение добрый десяток дивизий, включая две танковых и моторизованную, против наших 6 стрелковых дивизий. Командование СЗФ и он сам лично сделали все возможное, чтобы помочь соседнему Западному фронту, передав туда 29-й стрелковый корпус и 126-ю дивизию из разгромленной у границы прежней 11-й армии, которая, по сути, теперь заново возродилась на основе частей Гловацкого под Псковом.

Вот только заблуждаться по поводу их силы, вернее полного бессилия, не приходилось. Корпус территориальный, сформирован из военнослужащих бывшей литовской армии — обе дивизии, 179-ю и 184-ю, отводили от границы в тыл, опасаясь восстания. В результате массового дезертирства численность сократилась фактически до двух полков — едва 6 тысяч бойцов и командиров. И это произошло без всякого воздействия врага, с первыми залпами войны 29-й корпус сразу начали уводить за Двину. 126-я дивизия понесла огромные потери, в две трети от штатного состава, и представляла пусть обстрелянное, но слабое соединение в четыре с половиной тысячи бойцов и командиров, по большому счету бригаду.

Это все, что смогли найти и выделить в виде помощи. Резервов не было как таковых. 27-я армия пока держала фронт своими двумя корпусами. 24-й территориальный у Пушкинских Гор, сформированный из латышей, хоть и «усох» порядком до десяти тысяч личного состава в своих двух дивизиях, занял позиции и даже отбивался от пытающихся пройти вперед нескольких немецких батальонов. Врагу больше мешало отсутствие дорог и местность: заболоченная пойма Великой — достаточно серьезное препятствие. Преодолеть ее не смог моторизованный корпус генерала

Манштейна, который попал чуть позже в плен — Ватутин уже имел удовольствие побеседовать с вражеским генералом и сделал для себя достаточно серьезные выводы.

Находившийся южнее Пушкинских Гор старинный городок Опочка, второе возможное направление вражеского наступления, обороняли части 65-го стрелкового корпуса, собранные с бору по нитке. Управление корпусом с началом войны стало совсем «пустым», там кроме штаба не имелось никаких соединений. Теперь включили две потрепанных стрелковых дивизии — 5-ю и 23-ю, отступившие от самой границы, и сведенную в бригаду 46-ю танковую дивизию. Оборону пока держат, вот только через несколько дней ситуация может резко ухудшиться. Дело в том, что 22-я армия начала отход к Великим Лукам, к позициям на реке Ловати, обнажая левый фланг 27-й армии. Ее тоже нужно отводить, но тогда немцы выйдут в тыл Псковско-Островского УРа.

Это плохо — судьба сражающейся 11-й армии будет вскоре предрешена, дорога на Ленинград открыта для 4-й танковой группы Гепнера, что только и ждет момента для рывка вперед. Нет, меры предприняты заблаговременно и одобрены Генеральным штабом — по северному берегу Черехи на Порхов и далее по Шелони до Ильменского озера возводится оборонительный пояс, в тылу которого спешно готовится еще одна позиция — Лужский рубеж. Нужно только время для занятия войсками, а его может и не хватить.

Проблема состоит еще в том, что все три армии окажутся оторванными друг от друга большими озерами, сражаться они станут поодиночке, не имея опоры на «соседа». Нужны резервы, чтобы закрыть «Невельскую дыру», а их нет. На переформирование отведены дивизи-

зии 21-го и 3-го механизированных корпусов. Первый упразднен, последний приходится буквально собирать, 2-я танковая и 84-я моторизованная дивизии фактически наголову разгромлены противником. И вот звонок от генерала Жукова — к концу июля на фронт начнут прибывать вновь сформированные стрелковые дивизии, значительно ослабленного, нового по военному времени штата, без гаубичного артполка. Оттого ценность этих соединений, «детища перманентной мобилизации», весьма условна. Но это и есть самые ценные резервы!

Снова возникает проблема острой нехватки времени — за две недели может произойти много чего, и отнюдь не самого приятного. А собственных резервов нет. В Порхове пополняются 33-я и 188-я дивизии и 42-я танковая бригада, еще дальше в тылу имеются только части 5-го воздушно-десантного корпуса из трех бригад, в каждой из которых и батальона не наберется — все, что осталось от отчаянных атак советских парашютистов на Двинск. И где же взять силы, чтобы скрепить южный фланг фронта, что трещит по швам?!

Вариант только один — необходимы две ленинградские дивизии, из тех что перевозят на Псковско-Новгородский рубеж, и 1-й мехкорпус генерала Лелюшенко, что развернут восточнее Пскова. Но вот здесь нужен приказ от маршала Ворошилова, а он его не отдаст. Командующий фронтом генерал Собенников попытался взять резервы у Гловацкого без санкции главкома и получил жестокий разнос от «первого маршала».

— А если попросить Николая Михайловича походить-тайствовать? Ведь не может не понять, что это крайне необходимо?!

Для любого военного такая мысль показалась бы дикой — через своего подчиненного просить вышестоя-

ящее командование?! Но таковы реалии — к доводам Гловацкого маршал Ворошилов прислушается, тот у него на особом счету сейчас, пользуется доверием. Еще бы — Псковский УР единственный на всей «старой границе», который удалось удержать.

— А ведь стоит это сделать! Стоит..

Генерал отвлекся от мысли — в дверь осторожно постучали, все же ночь на дворе, и, дождавшись разрешения, в кабинет начальника штаба фронта вошел дежурный связист с рубиновыми кубиками старшего лейтенанта на черных петлицах. В руке картонная папка с бумагами.

— Товарищ генерал! Только получены радиogramмы из Пскова, а также из Гдова, от командующего Чудской флотилией!

Ватугин взял листки и кивком головы отпустил связиста. Прочитав текст, генерал почувствовал себя плохо, рванул воротник кителя — ему не хватало воздуха. Тяжело опустившись на стул, он машинально посмотрел на время, поставленное в тексте.

— Час тому назад?! Как все некстати случилось! Но почему же мне не доложили раньше?!

Ватугин не любил крепких слов, но тут облегчил душу. Посмотрел на второй листок — и выругался как заправский сапожник, в три колена. Если в радиogramме начальника штаба 11-й армии говорилось, что командующий тяжело контужен и отправлен гидросамолетом в Ленинград, то капитан 1-го ранга Аврамов доложил, что данный МБР-2 флотилии почти сразу же после взлета сбит над Псковским озером фашистским истребителем, авиация врага активно летает — стоят «белые ночи». Поиски генерала Гловацкого моряками уже начаты, отправлены катера.

Чуть отдышавшись, Ватугин решил, что нужно немедленно сообщить о случившейся трагедии с ко-

мандармом-11 в Генштаб, поисками виновных в нераспоротности можно заняться чуть позднее. Но не успел протянуть руку к телефону, как тот требовательно издал зуммер. Догадываясь, кого он сейчас услышит, моряки явно оказались намного быстрее своих сухопутных коллег, Николай Федорович обреченно поднял трубку, будто налившуюся свинцом, и услышал гневный голос генерала армии Жукова:

— Какого хрена не доложил про Гловацкого?! Почему я должен узнавать от наркома флота?

**Командующий 11-й армией
генерал-лейтенант Гловацкий
Псковское озеро**

Странно чувствовать свое тело каким-то полностью одеревеневшим, будто в полено превращенным. Слово любимый сын небезызвестного папы Карло. Такое «состояние Буратино» можно испытать наяву и в крепком сне. Вот тут главное не перепутать реальность и наваждение. Правый бок жгло что-то очень горячее и мягкое, сверху тоже тепло, а под спину шершавое, колючее и холодное. И ветерок чувствовался, влагой наполненный, приятно охлаждал лицо. И мысли потекли в голове, тягучие как патока.

«Что я Гловацкий Николай Михайлович 46-ти лет от роду, то помню хорошо. Неужто это был сон?! Война, я в теле своего полного тезки, небо в дыму, немецкие танки... Вот жуть какая, даже десятой доли этого кошмара я в Чечне не видел. Угораздило же попасть в передрагу, еще и горло фашисту перегрыз — кто бы сказал, не поверил бы! Приснился же сон! А Соня?! Она мне тоже привиделась?! Не хочу обратно!»

Гловацкий всей своей душою и телом рванулся к яркому солнечному свету, что слепил глаза. Видимо,